

18+

Извлекая суть из каждой истории, вы узнаете,
что такое жить без цветов, и как смешать краски,
чтобы разукрасить свою жизнь,
как хочется вам

Когда кончатся цвета

Д Ж О Й М О Е Н

Джой Моен

Когда кончатся цвета

«Издательские решения»

Джой Моен

Когда кончаются цвета / Джой Моен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935172-2

«Когда кончаются цвета» — это сборник рассказов, основанный на реальных событиях. Каждый рассказ имеет свой жанр и стиль, а также жизнь без прикрас.

ISBN 978-5-44-935172-2

© Джой Моен
© Издательские решения

Содержание

Маленький взрослый	6
Глава 1. Главный выбор	7
Глава 2. Мечты сбываются	10
Глава 3. Выбранный путь	12
Глава 4.: Странное чувство	15
Глава 5.: Конец пути, но не истории	17
Глава 6.: Последний эпизод	18
Синус любви/Косинус безумия.	19
Семья Брутс	26
Глава 1.: Привет	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Когда кончаются цвета

Джой Моен

Благодарность.

© Джой Моен, 2021

ISBN 978-5-4493-5172-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хочу поблагодарить всех, кто помогал мне писать мой первый сборник.
Он очень важен для меня, и я безумно рада, что он, наконец, увидел свет.
Без вас его бы не было.

Маленький взрослый

Посвящается лучшему другу.
Я буду помнить тебя всегда.

...какая-то часть тебя уходит с тем,
кого ты потерял, ведь дружба —
это как любовь.

– Марк Леви. Похититель теней.

Глава 1. Главный выбор

Я помню, как меня выбрали. А вы помните свой первый день, день своего рождения? Родился я конечно намного раньше, но день, когда меня выбрали, я считаю самым важным.

Я смог стать нужным. Я помню это, как только это было вчера, хотя прошло уже порядком трех лет. Нас было много, таких как я, совершенно одинаковых. Мы стояли в один ряд не одни сутки, ждали в надежде на то, что завтра все изменится.

Мы почти не говорили друг с другом, это было запрещено. Если бы «они» услышали нас, то все мы тут же перестали бы существовать. Не знаю, почему так случилось, но меня выбрали, и я был ужасно счастлив.

Когда меня засунули в мешок, где было темно и трудно дышать, я закрыл глаза так крепко, как мог, сжал остатки сил в кулак и продолжал ждать, ведь меня выбрали, а значит, теперь все будет иначе. Это продолжалось не один час, воздуха и моего терпения почти не осталось.

Я представлял как смогу стать летчиком, поваром, художником, ну или хотя бы бакалейщиком. По моим осунувшимся щекам пробежала последняя слеза. Последняя потому, что других нет. Не осталось. Я так долго ждал этого, они не могут меня обмануть.

Все, кто когда-либо уходил из нескончаемого строя, никогда не возвращались назад. Это ведь означало лишь одно. Там было лучше, чем здесь. Все лучше, чем здесь. И я не обманываю, я видел фото. Много счастливых лиц тех, кто давно покинул эти места. Правда, фото были очень старые, а некоторые скачаны из интернета, настолько натуральные, что просто не могут быть ложью.

Я не терял надежды до последней минуты. Вот, уже почти, то, чего я долго ждал. Мешок открылся, в глаза ударил яркий свет.

Такой непривычный, по своему загадочный. Я чуть не выпрыгнул от предвкушения. Но я все еще помнил установки поведения данные мне при рождении. Так что я лишь стиснул зубы от возбуждения и приготовился быть счастливым.

Когда мои глаза привыкли к свету, я осмотрелся. Обычные стены, диван, стол со старым компьютером, полки с кактусами. Я бы тоже купил себе кактус. Думаю, что я мог бы стать даже садоводом. И начать лучше с кактусов.

Я представил небольшой садик, окруженный ярко-оранжевым забором. Лимонник, барбарис, космея, колокольчики, миндаль. И мне почему-то стало очень грустно.

Боковым зрением я заметил, как падает кружка с чаем и разбивается вдребезги, что заставило меня вздрогнуть и моментально вернуться в реальность. Что-то пробежало у стены. Маленькая черная тень. Кажется, здесь есть кто-то еще.

«А вот и ты, ну, привет», – обратился ко мне тот, кто дал мне шанс на счастливую жизнь. «Можешь звать меня...», – я не скажу вам его настоящего имени. Я где-то прочитал, что если рассказать другим как зовут дорогого тебе человека, то это все равно, что поделиться им с другими. Не помню точно, была ли та книга в жанре фантастики, но я решил не рисковать.

Я прозвал его: Курт. В честь солиста любимой группы Nirvana – Курта Кобейна. Он тоже много пил, курил, пропадал вечерами на улице, хотел научиться играть на гитаре, но, слава богу, мой Курт жив. Когда я впервые услышал Nirvanу из стареньких колонок компьютера, я подумал, что мой Курт очень хорошо поет. Но это, как вы понимаете, оказался совсем не тот Курт.

Возможно, я так подумал потому, что до этого я вообще не слышал музыку. У меня нет музыкального слуха, и даже вкусов и предпочтений до того момента не было.

В очередной день, когда Нирвана напевала свой грустный уставший мотив, мы с Куртом отправились в лес. Снег был по колено, правда! А где-то и даже больше. Воздух был теплый, потому нам удалось не замерзнуть. Всю дорогу я думал о том, куда мы идем?

Поначалу мы почти не разговаривали, и он никуда не брал меня с собой. Я сидел дома, смотрел, как сменялись: температура, ветер, влажность воздуха на термометре и ждал его возвращения. Чем холоднее становилось, тем чаще он брал меня с собой. Наверно начал доверять. Убедился, что я всегда буду с ним рядом, тем более теперь, когда наступили холода.

Мы часто гуляли с его... С нашей подругой. С ней весело. С ней Курт много говорит, всегда смеется и становится каким-то беззаботным. Она намного меньше ростом, чем Курт. Глаза темнее, характер напористее. Мне она нравится. Иногда она ведет себя как злой агрессивный взрослый, а иногда как маленький и теплый малыш.

Мы встретили ее уже в лесу. Она пробиралась к нам сквозь торчащие и больно зацепляющие за волосы ветки, но это её не останавливало. Ее щеки стали красными от зимнего ветра, но она, как и всегда, улыбнулась нам широкой улыбкой. А еще она сказала, что нашла подходящую елку. Что значит подходящую? Разве те, другие вокруг не подходящие? Это меня очень удивило.

Чуть позже я узнал, что есть такой праздник – Новый год. К нему все подготавливаются: накрывают вкусные столы, дарят подарки, много пьют, едят, разговаривают. В общем, ведут себя как обычно. За исключением красивой традиции: наряжать елку. Каждый делает это в меру своей фантазии. Вешают гирлянды, игрушки, конфеты и разные поделки. А еще в конце праздника все выходят на улицу и смотрят на фейерверки. Кто-то покупает и сам, конечно. Но мы любили просто смотреть.

Фейерверки разные бывают. Есть маленькие и не продолжительные, есть пышные и довольно длительные, зависит от финансовых возможностей каждого. Мы нарядили елку прямо в лесу, представляете?

Очень красиво получилось. А еще Курт нашел под снегом большой гриб и сочинил про него стих. С рифмами у меня проблемы, видимо стать великим поэтом я вряд ли смогу, но это и не беда, в мире есть множество других прекрасных профессий. В общем, точно не процитирую, но вкратце гриб тот был капитаном Грибулей, а наша Мон Шер, так Курт ее всегда называл, была его возлюбленной, которую адмирал спасал от различных монстров. Было очень смешно.

Я так был рад, что этот праздник, мой первый праздник, я буду отмечать вместе с ними.

Каждый день я просыпался и надеялся, что новый год наступит именно сегодня, но он все не наступал. У нас дома мы тоже ставили и наряжали елку. В основном родители Курта. Нас не подпускали, вдруг испортим чего-нибудь. Но мы не расстраивались, ведь свою елку мы уже нарядили и воспоминания о ней в лесу, согревали воспоминания наши сердца.

Я вспомнил про тень и решил поискать ее. Ее не было ни на кухне, ни в туалете, и даже в спальне. Неужели мне показалось. Так я думал, пока не услышал возмущение родителей о том, что куда-то пропала игрушка в виде деда мороза. Тут я понял, тень снова появилась.

Пока след ее не совсем остыл, я вбежал в комнату и просмотрел каждый угол, пока не наткнулся на дверь чердака. Поднявшись по лестнице, я оглянулся по сторонам и решил сам сходить и проверить.

Толкнув дверь, я осторожно, задержав дыхание, вошел внутрь. Старые вещи лежали кое-как: лыжи, шубы, игрушки, сапоги для зимней рыбалки, мешки и другая утварь. На столе я заметил ту самую пропажу – пластикового деда мороза. Я взял ее в руки, нужно вернуть ее на место, но никакого движения вокруг я так и не заметил. Уже дойдя до двери, ко мне обратился голос, отчего дедушка мороз упал и скатился по ступеням вниз.

Голос был очень тихим, как будто обессиленным. Он спросил у меня, кто я и зачем его преследую. Я не нашел ничего лучше, как отшутиться и сказать, что я помощник Санты, который всего лишь хотел вернуться на елку, к остальным украшениям. И зовут меня Роберт.

Несколько минут он молчал. А позже я увидел, как из тени вышел Адмирал. Так его зовут.

Он осмотрел меня с головы до ног и спросил, почему меня так по-дурацки зовут. Пришлось рассказать ему, что меня назвали так за мои очки, которые я любил носить зимой и летом, как у терминатора T1000 из фильма «Терминатор 2», в котором этого терминатора сыграл Роберт Патрик. Но он лишь покашлял, чтобы я не понял, что он смеется надо мной.

Адмирал сказал, что я странный, но понравился ему, потому что он рассказал мне свою историю. О том, как его выбрали, о его работе в полиции, потом он ушел в отставку и стал хранителем, но счастливой его жизнь совсем не назовешь.

Я начал бояться за свою судьбу, ведь я хочу стать счастливым, и если этого не произойдет, то, скорее всего, мне придется уйти и пытаться быть счастливым где-то в другом месте. Надеюсь, Курт смог бы меня простить.

Пока я думал о том, чего еще не случилось, Адмирал ослепил меня своей вспышкой. Честно! Он весь светился, зеленым светом, как грязная позолоченная лампа, а потом сказал, что меня не должно тут быть. И не будет. Что я здесь совсем ненадолго и скоро меня отдадут в место, название которого я не смог разобрать. После чего свечение прекратилось, Адмирал встряхнул головой и сказал, что ничего не помнит, забрал свои ветки для камина и ушел.

Я всю ночь не мог уснуть и все думал о том месте. Пойдет ли со мной Курт? Буду ли я там счастлив? Мне остается надеяться, что минуты этой ночи продлятся чуть дольше, ведь оказалось, что я очень сильно боюсь перемен.

Глава 2. Мечты сбываются

Каждое утро я вставал очень рано, подходил к календарю и в каждой клетке нового дня писал: сегодня не новый год, и снова, и еще. Остался последний день календаря, и я решил поспать подольше.

Все стекла окон покрылись плотным инеем, что означало, что на улице не меньше 30 градусов. Я закутался с головой глубже в одеяло. Разбудила меня суета в доме. Оказалось, родители с утра пораньше собирались в город, за подарками родственникам и друзьям.

Краем уха я услышал, что Курт говорит о том, что как раз именно сегодня мы идем к Мон Шер. Дома будем лишь завтра. Я обрадовался и вылез из-под одеяла.

После нудных холодных прогулок по городу, хотелось поскорее зайти в теплый уютный дом, где тебя очень-очень ждут, чтобы налили большую преобольшую кружку горячего чая да с лимоном. Как раз в такой дом мы и спешили.

С собой мы зачем-то купили 16 банок не крепкого спиртного, букет белых роз, пару упаковок соленых крекеров и примерно столько же различных чипсов. Судя по всему, тусовка намечалась серьезная.

Чем ближе мы были к входным дверям, тем громче была слышна музыка. И только внутри, увидев полный стол еды, подарки под елкой, я понял. Наступил долгожданный Новый год. Но почему Курт не сказал ничего раньше, я ведь даже ничего не приготовил. Никаких подарков. Я взял с собой только свои очки. Я долго не решался сесть за стол, мне было не по себе, что я пришел с пустыми руками. Но Мон Шер успокоила, сказав, что подарки не самое главное. Я быстро согласился, иного выхода у меня все равно не было. Да и если честно, я очень проголодался.

На столе стояла пара пышных салатов, горячая запеченная картошка с мясом, жареный лосось с заправкой. В общем, слюна бежала, как у доброго сенбернара.

Мы много ели, пили, говорили. Наконец дождались речи президента, и даже, как истинные патриоты, выдержали минуту молчания, стоя у стола с бокалами шампанского в руках. Все, как принято.

Мне не нравится слово патриот. С одной стороны оно не означает ничего плохого, но если судить по злым шуткам Курта, то и ничего хорошего в нем тоже нет.

Когда забили куранты, Мон Шер выкрикнула: «не забудем загадать желание, оно обязательно сбудется!» Боже, сколько же в этом мире странных вещей и традиций. Я ужасно обрадовался.

Если и правда существует такой день в конце каждого года, когда любой человек может получить то, что хочет, то не прекрасна ли жизнь. Получается, что если человек уже прожил 10 лет, то у него было как минимум 10 желаний, а значит, к 70-ти годам он уже не будет ни в чем нуждаться.

Здорово! Я закрыл глаза, и тоже загадал желание. Я хочу, хочу прожить до 100 лет!

Куранты замолчали, мы услышали последние слова: «с Новым годом!» Крикнули: «Ура!». И опустошили фужеры. Никогда раньше не пил шампанское и, если честно, оно мне совсем не понравилось.

Пришло время дарить подарки. Мон Шер протянула Курту две коробки: одна совсем маленькая и плоская, как дискета, а вторая больше и шире той. Честное слово, мне показалось, что глаза Курта на мокром месте. Я очень удивился.

Где-то внутри меня разлилось тепло, что это за чувство такое? Любовь? Нежность? Я пока не понимал. В маленькой коробке оказались струны для старой гитары Курта, на которой он по причине их отсутствия никак не мог научиться играть и совсем забросил ее. А в большой оказались духи, не из дешевых, судя по сияющей упаковке.

Подарки Мон Шер упаковывала вручную, от того на краях блестящей синей упаковки был клей, но это совсем не портило радость от получения подарков. Они крепко обняли друг друга.

А потом, чтобы Мон Шер не было так одиноко, мы с Куртом подарили ей меня. Теперь я буду жить с ней. Мне понравилось быть подарком. Чувствуешь себя свечкой на торте, без задувания которой день рождения всего лишь праздник. Или подошвой ботинка, без которой нельзя выйти на улицу. В общем, я еще не освоил метафоры, но думаю, вы поняли.

Я чувствовал себя нужным. Мне нравится чувствовать свою необходимость. Думаю, всем это нравится. Тем более, мне еще нужно было разобраться с чувством внутри себя.

После мы пошли смотреть фейерверки. Сначала слева бабахнуло, и еще. Потом справа. Дальше за лесом. Большие и маленькие, пышные и невзрачные, тихие и громкие, но все до такой степени волшебные.

Глаза Мон Шер горели, а улыбка от уха до уха не сползала с лица. Она замерла, чуть приоткрыв рот, а я смотрел на нее. Ее теплые руки лежали на моих плечах и я, кажется, был самым счастливым. Курт тоже смотрел куда-то вдаль, казалось он вместе с нами и одновременно где-то далеко.

Мы стояли так примерно четверть часа, фейерверки прекратились. Остались только мы и ночное звездное небо. Курт показал созвездие лебедя, а Мон Шер медведицу. Мне нравятся звезды. Отсюда, с земли, они кажутся совершенно иными, чем на картинках в интернете. Они ближе и намного ярче.

Мы зашли в дом. Курт выкрутил музыку на ноутбуке так, что уши заложило, и я не мог слышать, о чем они говорили. Да и незачем. До 5 утра алкоголь быстро разошелся, кончились крекеры и силы танцевать и говорить.

Мы включили фильм, я так устал, что не могу даже вспомнить, как он назывался. Мон Шер медленно погружалась в сон в позе буддиста, я положил голову ей на плечо, а Курт уснул головой на ее колене.

Я посмотрел на нас со стороны и невольно улыбнулся. Я люблю вас, ребята. Вы мои лучшие друзья! С этими мыслями в голове, я пропал во тьме сонного царства.

Глава 3. Выбранный путь

Утро было добрым. Вернее лишь пробуждение. Я открыл глаза уже ближе к вечеру. Потянулся, расправив околевшие от не совсем удобного положения кости. Так, кажется, говорят, когда долго лежат в одном положении? На самом же деле я не чувствовал неудобства.

Я закрыл глаза и тут же открыл. Будто моргнул, просто чуть дольше обычного. Но усталости я больше не чувствовал.

Комната была пуста. Возможно, Курт уже уехал домой, но где же Мон Шер? Так быстро как мог я выбежал в коридор. Одними губами я произнес ее имя, к глазам подступили слезы. Она всего лишь мыла на кухне посуду. Моет. Посуду. И все. Она здесь. Она никуда не уходила. Не оставляла меня.

Мне приснился страшный сон, будто меня выбросили в пакете в мусорный бак, а когда мешок открыли, я вновь очутился там. Среди других. Точно таких, как я. Это лишь сон.

Она улыбнулась мне легкой улыбкой и предложила выпить кофе. Еды осталось много, так что на поздний завтрак вполне хватит. Я кивнул и молча сел за стол.

Во время позднего завтрака я пытался переварить не только еду, которую неустанно отправлял в рот, но и новые совершенно незнакомые мне ощущения. Я определил для себя следующее: во-первых, бегать я очень не люблю, я люблю есть и думать. Да. Мне определенно нравится это больше.

Во-вторых, я боюсь оставаться один. Как будто что-то душит меня наедине с самим собой. В голову, как могильные жуки начинают забираться грязные страшные мысли.

И еще одно: сны – плохие. Я не хочу больше видеть их. Все было так живо и натурально. Я хочу взять большую ложку и вытащить их из моей головы. Забыть. Да, или просто забыть.

Я сказал спасибо, на что Мон Шер снова улыбнулась. Внутри опять разлилось тепло. Такое мягкое и плотное. Обволакивающее безграничное тепло. Я чувствовал, что люблю ее, но не так как показывают по каналу «Роман», на 56 канале. Нет. Совсем не так, как мужчина любит женщину.

Я хотел, чтобы она защитила меня. Спасла от бурь, ненастий, злых людей, плохой погоды и собственных ошибок. Прижала к себе, окутав руками будто кокон. Я хотел слышать ее сердцебиение. Я любил ее чистой невинной любовью, как ребенок любит свою мать.

У меня никогда не было мамы, но я знаю, что это слово очень важно. Я видел в интернете, в компьютере Курта.

Я тоже хотел бы почувствовать это. Поселиться под сердцем у мамы на целых 9 месяцев. Где тепло и безопасно. Питаться с ней одним «ртом».

Появиться на свет и пока не стану совсем взрослым чувствовать ее заботу. Как укачивают руки родной мамы. Как пахнет ее кожа. Пить ее молоко с налитых грудей. Слышать ее такой знакомый голос, который еле слышно напевал бы мне колыбельную. А может все это уже происходило со мной? Но почему-то всего этого я не помню.

Может быть, она оставила меня, отдав в то ужасное место. Может у нее были на то серьезные причины. А потом она хотела забрать меня домой, но не смогла узнать, ведь таких, как я, в том месте, было множество. Я не хочу думать об этом. Это плохие мысли.

Мой друг, с которым я здесь вчера познакомился, сказал, что мне повезло попасть сюда. Не все дома хорошие. Есть и злые люди, хотя таких я пока не встречал.

Он сказал, что я никогда не умру. И проживу много лет, как он и его друзья, которые так же давно живут здесь. Но это совсем не потому, что я загадал желание на новый год. А потому, что я особенный. Как и они. Кстати, а где он. Нужно его найти.

Я обошел всю квартиру, но так и не нашел. У входной двери я заметил маленькую трость, с которой вчера и был мой друг. Она вся была в грязи. Но друга рядом не было. Я думал о том, где он еще может быть.

Я и сам не понял, как оказался у книжного шкафа. Меня привлек небольшой томик в старом потертотом переплете. Записки Шерлока Холмса.

Я пролистал первые пару страниц. Потом еще. Открыл в середине. И прочитал еще пару страниц. С шумом я захлопнул книгу, поднял глаза и на выдохе произнес: я хочу быть похожим на него. Я хочу стать детективом!

Оказалось, читал я, задержав дыхание, вы можете себе это представить? Было ли у вас такое? Никогда не думал, что написанные кем-то на обычной бумаге строки могут заставить перестать дышать. Здорово! Я люблю книги! Резко я вздохнул и закусил нижнюю губу!

Как в мультиках, помните? Когда у героя появлялась идея, над ним загоралась лампочка. Кажется и надо мной нависла такая. А что если... перед глазами появились картинки. На первой мой друг с чистой тростью вчера, на второй одинокая грязная мокрая трость в коридоре, на полу. У входной двери. А что если... его похитили. Это мой шанс стать детективом! Как Холмс!

Для начала мне нужна звучная фамилия. Да. Хорошее начало. Роберт Холмс? Нет, так не пойдет. Может Роберт Ватсон? Нет, тоже не то. Ладно, с фамилией потом разберусь. Нужно раскрыть это дело!

Я подошел к трости и, как настоящий Шерлок Холмс, растер между всеми пальцами грязь с трости. Хм. И что же должно произойти?

Мне это совсем не помогло. Сейчас грязи почти нигде нет, зима на дворе. Тогда я поднес к носу размазанную по руке грязь. В нос ударил резкий запах химических удобрений, а также запах, который может быть только в одном месте. Пахло тепличной специально подготовленной для поздних посадок землей. Есть! Получилось!

Я выглянул в окно, пытаюсь хоть что-то разглядеть. Но тщетно. Дернув ручку двери, я понял, что она закрыта. А значит он все еще в доме. Мозг разогнался на полную мощность, и картинки в голове судорожно начали прыгать, показывая то горшок с цветком в спальне, то на кухне пара пустых горшков. Стойте!

На веранде в дальней части дома горшки в подставке с комнатными цветами! Точно! Я ринулся туда. Приоткрыв дверь, я услышал голоса. Два мужских голоса говорили о том, что мешок маловат и нужно было брать больше. В голове мелькнула картинка мешка из сна.

Я начал бояться за жизнь друга. А вдруг его тоже посадят в мешок и унесут. Я не могу допустить этого! Я схватил его трость и ринулся вперед. Я громко кричал, а в голове бился пульс! Выскочив из-за двери, я чуть не убил своего друга! Он стоял и поливал цветы, а голоса доносились из радио!

Мы долго смеялись над происходящим. Он поблагодарил меня за то, что я нашел его трость. Вот, что случается, когда не умеешь пользоваться своей фантазией.

Он сказал, что мне бы подошла фамилия: Неукротимый. Я Неукротимый Роберт. Да! Мне нравится быть детективом. Хорошо, что он в порядке. Но ведь я нашел его, а значит я хороший детектив! Моего друга зовут Старик. У него длинная борода, сгорбленная спина, трость, в конце концов. Старик.

Он сказал мне, что на самом деле я никогда не стану детективом. Я вообще не смогу стать никем. Я уже кто-то, с рождения. И другим кем-то быть не могу. Ведь не может быть кошка собакой. Даже если сильно захочет. Я не стал спорить, но про себя все равно сказал: Я – Роберт Неукротимый.

Я спросил у него, где же его мама. Но он лишь рассмеялся и сказал, что наша мама – огромная бесчувственная машина. Она создала всех нас. Таких как я, его и еще многих дру-

гих. Даже собаку старика. Огромная добрая псина по кличке Медведь. Уж очень она большая и мохнатая.

Я не поверил старику. Это было похоже на какую-то чушь. Ведь я читал и видел, как рождаются и растут дети. Но он продолжал говорить, что я такой же бесчувственный и пустой, будто набит ватой и больше нет во мне ничего. Что я не могу чувствовать.

Он воткнул в меня свою лопатку для пикирования. Проткнул насквозь. Я был очень напуган, зрачки расширились, я громко вскрикнул. Но мне не было больно! Не было! Понимаете!?! А я не понимал. Что я такое? Неужели я не человек?

Я разозлился на старика. Разве может не человек испытывать радость или гнев? Вот и я говорю ерунда все это!

Тогда старик обиделся и сказал, что я обычный выдумщик, развернулся и ушел. Я хотел поскорее забыть об этом. Это все полная чушь! Старик просто выжил из ума! Да ну его.

Я вернулся к Мон Шер. Расположился рядом с ней под одеялом, где она уже сладко сопела во сне. Я выдохнул и навсегда забыл об этом дне.

Глава 4.: Странное чувство

Каждый день я расследовал разные пропажи: ключей, денег, игрушек, а также убийство шоколадного печенья из упаковки и многое другое. Как-то раз я даже был под прикрытием! Мясником в лавке по соседству. Каждый мой день был наполнен смыслом.

Старика я больше не видел, а собака все время спала в гостиной или там же томно смотрела в окно. Я редко теперь выходил на улицу. Мон Шер больше училась, чем гуляла. Как она говорит: это ее будущее. Она учится работать с деньгами. Если вкратце. Экогномика называется. Или как-то так.

Она говорит, что хочет стать писателем, но ей придется всю жизнь рано вставать и ненавидеть свою работу, считать деньги, приходиться домой поздно, за что снова ненавидеть свою работу и вскоре ложиться спать.

Я не понимаю, зачем делать то, что тебе совсем не нравится. Но у Мон Шер на все есть ответ. «Не всегда выходит так, как хотелось бы. Нужно быть очень удачливым». Я молча кивнул. Мне повезло, я смогу стать кем захочу.

У Курта появилась подруга. Снежная королева. Она так выглядит. Белое узкое лицо, брови, губы еле видны. Мне она не нравится. Какая-то уж слишком невзрачная. Я люблю разные яркие краски и цвета. Как, например синие волосы Мон Шер, ее зеленые брюки или осеннее оранжевое пальто. Но ему я об этом не сказал. Он ее любит. Она его.

Но как иногда случается, любовь была разбита километрами. Назовем город, в котором она живет условно – Дальние дали. Хотя на самом деле от нашего города это в полутора часах езды.

Как-то Мон Шер задержалась на учебе, и Курт решил ее там встретить. У него была для нее очень важная новость. Заключалась она в том, что он решил уехать жить к своей Королеве. Для Мон Шер это стало ударом. Хотя я ничего плохого в счастье Курта не видел. Оказалось, что тоска по нему, единственному лучшему другу, отзывалась в ней ужасной болью и одиночеством.

Ей вновь казалось, будто все ее предали. Будто весь мир смеется над ее жизнью. Она сидела в своей комнате на диване, после этой встречи и говорила, говорила. О том, как после его слов, что он собирается ехать к ней, у нее пропал дар речи и ту шутку, только что пришедшую на ум, она тут же забыла. Они стояли на остановке и каждый смотрел куда угодно, лишь бы не в глаза другому. Ей казалось, что она сейчас разрыдается. Ближе него у нее никого никогда не было.

Предложение писать друг другу письма было воспринято ей с сарказмом. Злым и вычурным. Она тут же солгала ему, что нужно поспешить домой, мол, срочно бабушка ждет. Больше она, не сказав ни слова, прыгнула в автобус.

Пока автобус стоял на остановке, она упрямо смотрела вперед нахмутив брови, а он, наконец-то, осмелился посмотреть на нее. Автобус отъехал. Боль Мон Шер вырвалась наружу солеными слезами. Слезы до такой степени были солеными, что щипало щеки.

Она села на самое дальнее одиночное сидение и, уткнувшись в свои колени, тихо-тихо плакала. От Курта пришла смс о том, что он стоит и плачет на остановке. Ее молчание убило его.

Я смотрел на все это и думал. Как друзья могут быть лучшими или худшими? Друзья есть друзья. И еще. Я откровенно никак не мог понять боль Мон Шер. Курт сам строит свое будущее, и хочет быть рядом с любимой. Разве залогом дружбы не является поддержка и в горе, и в радости? Не понимал. Все равно.

Дальше происходило что-то совсем странное. Звонок Курта. Его крики и слезы в трубку Мон Шер. Она плакала вместе с ним, а потом предложила приехать и остаться тут на ночь. Так

и вышло. Меня не пустили к ним в комнату, мол, маленьким нельзя подслушивать взрослые разговоры. Но ведь я и не маленький вовсе.

Из обрывков разговора я понял, что поездка Курта отменяется потому, что у кого-то рак мозга и его срочно госпитализировали в больницу. Кто-то кто был дорог ему так сильно, что он напился, и привез с собой немного дешевого поила. Кто-то, кто еле слышно признавался ему в любви на последнем издыхании собственной болезни. Неизлечимой болезни.

Мон Шер кричала ему, что все это выдумка. Что он дурак, если поверит. Чем все закончилось, я так и не узнал. Когда в комнату зашла явно вымотанная слезами и долгим разговором Мон Шер, я притворился спящим. Не спали ни я, ни она. Я уверен, что не спал и Курт. Ночь казалась очень длинной.

Наутро Мон Шер отвезли в колледж, а Курт отправился домой. Это все, что я знаю. Я весь день не знал чем себя занять. Впервые за долгое время ничего не хотелось делать. Я все время думал о том, что услышал. Вот бы найти Старика. Старики всегда все знают, возможно, он объяснил бы мне, что к чему.

Я задремал, а вечером разъяренная Мон Шер, бросив вещи в угол комнаты, легла в кровать и до утра не проронила ни слова.

Я сидел на краю кровати и смотрел, как меняется моя до недавнего времени счастливая жизнь. Я чувствовал перемены и мне они совсем не нравились. За последние дни я ни разу не видел улыбку моей Мон Шер, лишь слезы.

Внутри становилось ужасно пусто. Я жил среди людей, но все равно был один. Странное чувство.

Глава 5.: Конец пути, но не истории

Я копался в оттаявшей земле, была середина апреля. Запах, этот запах я никогда не забуду. Пахло приключениями, загадочностью, свежестью. Во мне проснулась от долгой зимы трепетность и нежность.

Я смотрел на кусты вишни и ждал, когда же она расцветет, сладкий запах заполнит весь сад. По почкам ползали новорожденные муравьи. Это все Весна. Я зажмурился. Со стороны фильтрующего воздух леса дул легкий ветерок, принося все новые и новые запахи. Я подставил ему свое лицо. В тот же миг домой вернулась Мон Шер.

Я услышал громкий плач, она пронеслась мимо меня, проронив слова, которые по сей день звучат в моей голове. Слова, обрушившие вмиг весь мой мир. Они превратили его в прах, высыпав мне в руки. Я стоял с горстью пепла, на глаза навернулись слезы.

Мон Шер сказала, что его больше нет. Нашего Курта. Он бросился под поезд. Не смог жить без своей Королевы. Я громко рассмеялся. Курт. Курт должен был умереть. Про Курта Кобейна долго ходили слухи о том, что он прострелил себе голову. А в итоге оказалось, что его предала любимая женщина. Кортни Лав. Так ли это было на самом деле с тем Куртом, никто не знает.

Но я точно знаю, что произошло с нашим. Королевское отродье предложило Курту умереть вместе. Не знаю, хотела ли она его смерти, но это случилось. В назначенный день и время это случилось. Он умер за свою любовь. А что она спросите вы? А она продолжает жить, и по сей день. Рак головного мозга спросите вы? А я вам вот что скажу. Не может быть рак того, чего в голове нет.

Она лгала. Лгала обо всем. О болезни. О своей ужасной жизни. Обо всем. Будь она проклята! Чертова снежная сука! Правда всегда становится явной. Вскрыли его почтовый интернет ящик, нашли ее адрес. Его родители побывали у нее дома. Но толку от этой правды особо не было. Лишь сам факт, от которого никому ни на миг не становилось легче.

Я стоял у входной двери и боялся заходить в дом. Я знал, что увижу там убитую Мон Шер. Медленно открыв дверь ее комнаты, я услышал крик. Громкий душераздирающий крик.

Я зажмурился. Крик отдавался в голове ультразвуком. Я знал, что ничем не могу ей помочь. Я осторожно лег рядом. Мон Шер крепко сжала меня в своих тисках боли, она как раненый, обезумевший от безысходности зверь, металась от крика к слезам, от слез к крику. Слезы были горькие, отравленные злостью, ненавистью.

Я и не представлял, что столько жидкости может храниться в женщине. Она не унималась до 5-ти утра, пока слезы не омыли все ее горести. От бессилия она провалилась в сон. Моей Мон Шер еще многое предстояло пережить.

Я насквозь промок от ее слез. Честно. Хоть выжимай. Я накрыл ее одеялом и вышел на улицу. Я смотрел на полную налившуюся красным светом луну. Мне было грустно. Только грустно. Я не чувствовал той боли, которую ощущала Мон Шер.

Я невольно вспомнил слова Старика. Он говорил я фантазер. Он говорил я лишь игрушка. Мой мир только что разрушился, а осколки развеял весенний легкий пахнувший сыростью ветер ко всем чертям, а мне всего лишь грустно.

Я осмотрел рану от лопатки Старика. Из нее торчали лоскуты и вата. Мне не было больно тогда, и совсем не больно сейчас. Одинокая слеза скатилась по моей щеке. Я игрушка. Обычная плюшевая игрушка. Я лжец. Я лгал вам, я лгал себе. Надеюсь, вы простите меня. Простите...

Глава 6.: Последний эпизод

Еще примерно месяц я прожил в ее комнате. Каждый день смотрел, как Мон Шер гробит собственную жизнь. Днем она много пила, прогуливала учебу, дралась со сверстницами, отчего под глазами после очередной драки красовался новый синяк, в дополнение к мешкам от постоянных ночных слез и 2-ух часового сна.

Она изменилась. Гнев стал ее лучшим другом, заменив Курта. Она больше не радовала меня смешными историями, да и просто больше не разговаривала со мной.

Хоронили Курта в закрытом гробу, отчего у Мон Шер прямо на кладбище и случился срыв. Она убеждала всех и каждого, что это подстава, что все это ложь, что он уехал в дальние дали.

На самом же деле ее одинокий воспаленный горем мозг, совершенно отказывался принимать обреченность и пустоту, постепенно засасывающую ее, как черная дыра.

В один язык не повернется сказать прекрасный день, таких дней больше не осталось, теперь они были лишь в моих воспоминаниях, короче говоря, спустя еще один такой безжизненный месяц она собрала все игрушки в своей комнате, и отнесла в коробках на чердак. Так быстро повзрослела моя девочка.

Меня она взяла в руку, и уже было хотела положить к другим игрушкам, но воспоминания о первом и последнем Новом годе рядом с Куртом остановили ее.

Она сжала меня так крепко, что казалось, все наружности сейчас разлетятся по комнате. Но все, что она могла сделать, это откинуть в угол и снова рухнуть на пол в истерике. Я лежал напуганный на полу и боялся пошевелиться. Пусть и прошло всего пара месяцев, для меня это будто долгие пара лет.

За это время я, наконец, понял, что дружба это не только взаимные теплые слова, подарки, переживания. Это еще и боль, сопереживание...

Это когда вместе со своим другом ты можешь плакать, когда ему больно, выбросить свои любимые вещи, если у друга она потерялась. Ради него ты готов отдать жизнь! Вот что такое настоящая дружба.

Мон Шер встала и ушла. На очередную долгую вечернюю прогулку. Когда она вернется, от нее как всегда будет пахнуть дождем и алкоголем.

Я забрался на подоконник и смотрел ей в след. Чья-то мягкая рука опустилась мне на плечо. Старик. Он вернулся. Он ничего не говорил, только кивнул. И я все понял.

Я врал вам, я врал себе. Простите меня. Я обычная игрушка. Обычная плюшевая игрушка, купленная в магазине и подаренная моей любимой девочке. Я так хотел быть человеком, что копировал эмоции и чувства окружающих, выдавая их за свои. И все же, я обычная игрушка.

Не важно, что в меня больше не играют. Я стану счастливым. Когда-нибудь тучи над нашим домом пропадут, и снова выглянет солнце. И снова буду счастлив, увидев улыбку моей Мон Шер.

Синус любви/Косинус безумия.

«Если вы читаете это, то, скорее всего, я уже мертв. Не знаю, как скоро вы найдете меня и прочтете это письмо, но я хочу, чтобы вы знали мою историю.

Я никого не виню в своей смерти. Это будет выглядеть как самоубийство, потому что это самоубийство и есть. В чистом виде.

Я умер осенью 1680 года. Сам. Сознательно привязал бечевку в деревянной балке у потолка, встал на скрипящий табурет и ушел из этого мира. Навсегда.

Не знаю, будет ли вам дело до всего этого, но я чувствую, что если не изолю своей печали хоть кому-нибудь, то боги разгневаются. А после смерти я превращусь в злого и мстительного призрака, и буду гореть в аду.

Да простят меня мои друзья, да запомнят меня враги мои. И ты, моя любимая, помни, как я полюбил тебя, и как расцвела в душе моей любовь к тебе, так и умрет она вместе со мной.

Я работал скульптором с 13 лет. Этому ремеслу меня научил мой отец. Его наставлял его отец и так дальше. Из поколения в поколение. Я работал в своей мастерской, день за днем. Не спал ночами. Кофе из старой турки отца – единственное спасение.

Мои работы почти не пользовались спросом. В 1680, во Флоренции, рядовых скульпторов вроде меня огромное множество, потому что почти нет работы, а ту, что есть, таким как мы не доверяют.

Мне повезло было получить работу от человека благородных кровей. Спасало то, что про отца и деда ходили слухи. При самом королевском дворе скульптуры были возведены, различные кованы украшения и заборы мастерами из моего рода.

Я работал над очередной скульптурой, которую надеялся продать старому музею за копейки, как в мою лачугу зашел он. Мой спаситель.

В красивом, а главное чистом костюме с иголки, гладко выбритым лицом и начищенными ботинками спаситель обошел всю мою мастерскую в два шага, трижды пристукнул новым каблуком блестящего ботинка по деревянному полу и только после того, посмотрел на меня.

Мои старые пыльные тапки, брюки, испачканные в глине, слегка порванные и зашитые на скорую руку рубашка и накидка, а так же давно забытая неухоженная поросль на подбородке и в подметки ему не годились.

Он искал мастера, проверенного поколениями, которому можно доверить свои самые непостижимые желания. И пожелал он, чтобы я сотворил ему для начала розу, самую искусно выкованную, идентичную самой настоящей пышной розе. Я очень обрадовался, ведь ковке я обучался у самого знаменитого мастера Флоренции, моего деда.

Я сделал то, что он просил пока он завтракал в соседней булочной. Он еще допивал последнюю чашку кофе, когда я, сбившись с ног, принес ему еще горячий цветок. Он был очень поражен моими способностями и сказал, что скоро отправит мне письмо, за которое я смогу выручить очень хорошую сумму.

Я поспешил домой, выспаться и привести в порядок голову. С полученной суммы за розу я смог купить новые инструменты для заказа господина.

Спустя пару дней мне и вправду пришло письмо. Будто игрушечным каллиграфическим почерком было написано, что хочет господин украсить свою спальню.

Хочет, чтобы в спальне его встречала самая красивая девушка, которую только можно было представить одинокому богатому мужчине. Я даже руки опустил поначалу, как узнал, что спаситель хочет, чтобы я выдумал и сделал ему из гипса красивую девушку. Где же возьму я такую диву? Я всю жизнь прожил без жены и детей. Были у меня конечно девушки, но так, чтобы самую красивую, я не встречал.

Я вновь открыл письмо, написанная сумма заставила задуматься. Вряд ли у меня был выход отказаться. Сумма помогла бы решить мне все мои долги и удовлетворить все мои нужды. Хватило бы даже моим будущим детям на хорошую жизнь. Не мог я отказаться.

Сроки он дал удовлетворительные. Целый год на создание скульптуры, за что мысленно я поблагодарил его. Я решил отметить эту чудесную сделку. На оставшиеся деньги я купил себе хороший ужин, достал из мешка вещи поцелее.

Вскипятил воды, набрав железную ванну, в которой хорошо отмыл ввевшуюся в кожу краску и гипс. Гладко сбрил запущенную бороду. Хорошенько поужинал, запив отличным вином, которое делали из настоящего винограда на ферме поблизости. И лег спать.

На сытый желудок и отдохнувшую свежую голову выполнять заказ намного лучше. Но как не старался я заснуть, не мог. Я все думал, как же выглядит для господина спасителя идеальная девушка. Я должен был воссоздать идеальную девушку из собственной головы. Но ответного импульса мой разум так и не послал.

Мои мучения продолжались до конца года, и последние месяцы я уже не терзал собственный мозг в поисках образа. Последнее время я доживал словно тень. Вечный кофе, бессонница, закаты и вновь рассветы. Я полностью вымотался. Надевал носки наоборот или вообще без них, путал свои инструменты, где-то посеял турку отца.

Я перестал выходить из дома, за исключением раннего утра, за очередной порцией горячего кофе. До конца сдачи срока оставалось пара месяцев.

По уму нужно конечно было написать письмо спасителю и все ему рассказать. Я побоялся расплаты. Она, так или иначе, достигнет меня, но лучше позже, чем раньше.

Ранним утром в субботу я, как и всегда, отправился в соседнюю булочную. Купил кофе, табак, горячий хрустящий батон, свежую газету и еще не такую свежую, как хотелось бы, сельдь. Ключая носом, еле собрав все покупки в руки, я попрощался со старым продавцом и вышел на улицу.

Прямо перед глазами выскочил и мелькнул серый в яблоках мускулистый жилистый бок, да пара копыт, так быстро, что я сразу пришел в себя.

Я хотел было наругать паршивца, мол, не видишь куда прешь? Молодежь, носятся как угорелые! Хоть и самому мне всего-то немножко за 30.

Мне нравилось иногда притворяться стариком, вредным и противным. Это веселило детей по соседству, да и сам я так меньше людей привлекал к себе. Создавалось некое ощущение двоякости моей жизни. Я бы очень хотел прожить не только свою жизнь, но и многие другие. Что-то я отошел от темы.

Только я поднял газету в руке над головой, как с лошади спешил и повернулся ко мне ангел. Я и сам сначала не поверил. Девушка, точно ангел, уставилась на меня большими глазами цвета василька.

Я стоял, изредка двигая нижней открытой челюстью как рыба, и смотрел на нее. Она все интересовалась в порядке ли я, все ли со мной хорошо. Повезло, что она была только немая, ведь понимать жесты я мог, но изобразить точно никогда бы не смог. Руки мои давно огрубели от тяжелой работы.

Мне показалось, что даже конь смотрит теперь на меня так, будто меня удар хватил.

Я подумал, что просто не могу упустить ее, не познакомься я с ней сейчас, то жизнь моя прожита зря, и я так до конца дней своих не найду себе пристанище.

Я сказал ей, что последний раз, когда я видел так свободно и легко передвигающихся по городу лошадей, была «Кавалькада магов». Ну, вы знаете, такое праздничное зрелище, представляющее собой библейский сюжет о поклонении волхвов. Она продолжала смотреть на меня, будто я сильно ударился головой.

Ей нельзя было говорить с незнакомцами. Оказалось, что она приезжая. Но откуда она так и не сказала. Я шел за ней по пятам, пытаюсь вытянуть из нее хоть какую-то информацию.

Как можно больше узнать о ней. Я делал несмелые комплименты, боясь спугнуть, но все что я смог узнать это: совершеннолетняя, приезжая особа, родители которой остались на родине, а конь прилагался к старому дому, где теперь она и проживает.

И еще. Я смог уговорить ее на целое одно свидание рано утром. Она снова села верхом на лошадь, и тепло улыбнулась, подтягивая узду на себя, чтобы конь подготовился к прогулке рысью.

Я еще долго стоял и смотрел ей вслед. Кофе мой давно остыл, а вокруг меня люди куда-то спешили, занимаясь каждый своим делом.

Есть такая примета: не сбривать бороду перед свиданием, а то сглазишь. Так я и поступил. Я решил, что если буду такой, какой есть, то все обязательно получится, а если и нет, то я хотя бы не буду мучить совесть. Я был такой, какой я есть, кажется это залог хорошей и здоровой любви, и потерпел поражение я тот, кем я являюсь. Без притворства.

Естественно я помылся, ведь приметы типа не мойтесь перед свиданием, и она упадет к вашим ногам, не существует.

Я снова всю ночь не сомкнул глаз, думал с чего начать диалог, рассказать ли что-нибудь о себе, может о работе, или лучше попытаться еще разузнать о ней. Думал куда отвезти ее, в сады за деревней или может к мельнице, а может взять горячих булочек и кофе и отправиться в центр города? Мысли разрывали голову.

Я решил не тратить время и завел тесто. Разжег печь для обжига глины, установил на дно печи деревянный плот и положил булочки, которые очень быстро стали румяными. Посыпав их сахаром, я выглянул на улицу.

Я не заметил, как наступил рассвет. Быстро закинув в старую сумку завернутые в газету булочки, перелил кофе из турки в более прочный горшок и вышел на улицу.

Я смотрел по сторонам, но ее так и не видел. Город был пуст. Кажется, благодаря этому даже воздух казался чище. Приближалась зима, и холодный свежий воздух при выдохах превращался в пар. Немой полупрозрачный пар. Это ли не магия природы? Кое-где еще не спал утренний туман, и целые улицы были покрыты пеленой. Я вглядывался в невидимые для меня переулки и ждал, что она вновь, как ангел, выйдет из тумана.

Сначала будут видны ее стройные ноги, потом очертания лица, контуры станут все четче и вот, она здесь. Рядом со мной. Я выждал еще полчаса, булочки, скорее всего, уже остыли, а во мне поселилось горькое разочарование и медленно, но верно впивающиеся как пиявка сомнения.

Отдаленно я слышал звуки цокающих копыт. Новые подковы так и лязгали о каменную кладь дороги. Я подпрыгнул к туману, и уже начал было разоряться о том, сколько прошло времени, и что она совсем забыла о встрече, как из тумана выпрыгнула и чуть не стоптала меня обычная деревянная телега. Старый седой деревенщина смотрел на меня как на сумасшедшего, я ужасно смутился и кажется, покраснел.

За спиной раздался тихий легкий смешок. Нахмурившись, я повернулся, чтобы рассмотреть забияку, но впал в ступор. Моя дражайшая дева и была той самой забиякой. Она стояла и смотрела на меня в упор, половина ее лица была закрыта шеей лошади, хоть она и закрыла рот рукой, но я видел, ее глаза смеялись.

Я готов был быть для нее дураком, каких не видел еще белый свет, лишь бы она улыбалась. И хмурость моя тут же спала с лица.

Сегодня моя незнакомка была одета легко, не по погоде, простого скромного кроя платье чуть ниже колена, на тонкой талии красовался поясок, на ногах туфли на плоской подошве. Сверху тонкая накидка из шерсти. Все так незамысловато, но со вкусом.

Серьезным тоном я сказал ей, что она опоздала. Она лишь выжидающе кивнула и убрала руку ото рта. В глазах промелькнул страх и дискомфорт, но я поспешил ее отвлечь. Я протянул ей руку и спокойным тоном предложил не терять времени.

Она вцепилась в узду коня, но я спокойно выждал, пока она изменит решение. Минуту погодя она протянула руку в сторону побережья, а другой указала на себя, что на ее языке означало: пойдём со мной. Я кивнул и всю дорогу шел за ней следом.

Ветер доносил мне запах ее волос, от которых пахло сладковатым душистым мылом и свежим сеном, который совсем не портил впечатление, а наоборот добавлял некой деревенской романтики.

Мы дошли до побережья, она расседлала коня, дав ему полную волю. Она полностью подчинила коня, да так, что он даже и не думал о побеге, и все то время, что мы провели там, он спокойно объедал луга поблизости. Но это и было не самое главное. За то время, что мы были там, она полностью подчинила меня.

Я готов был жевать траву, зарыть себя по горло в холодный мокрый песок и петь ей серенады, прыгнуть с самого высокого обрыва в ледяную и поглощающую пучину, если бы она приказала мне. Но мы лишь устроились у корней холма, где меньше всего дул ветер. Я отдал ей свою куртку и протянул булочку, вновь напомнив о том, что если бы она не опоздала, то они были бы горячими. Она вновь улыбнулась, откусив булочку.

Мы говорили о работе, о приливах и отливах, о том, что мне неизвестно. О ее родине. Стало холодать, и мы отправились обратно в город. Я не знал, как прощаться, да и не хотел. Я, как маленькое дитя, прямо сейчас хотел быть с ней, и не минутой позже.

Провожать себя она не пустила и наказала, что если пойду за ней, то она больше никогда не согласится встретиться со мной. Ей нужно было спешить домой.

Я взял ее за руки, и, как бы ни звучало это унижительно, умолял ее еще раз встретиться со мной, умолял поцеловать на прощание. А если у меня больше не будет времени? Если господин Спаситель раньше потребует свою работу и узнает, что я даже не начал, то боюсь, что уже никогда ее не поцелую.

Она испуганно тянулась к лошади, но я, как безумный, выкрикнул, что если она меня не поцелует, то я исчезну навсегда.

Она продолжала прятаться за своим конем, и я осознал, что это для меня все кончено, она здесь совершенно не причем, она даже и не знает, о чем я ей толкую, и что вернее всего она видит меня как безграмотного отшельника, который еще к тому же смотрит на нее, вождедея.

Я отпустил ее руки и постарался как можно правдивее изобразить улыбку. Извинившись перед ней, я похлопал ладонью коня по шее, тем самым попрощавшись и с ее верным другом. Я был обречен.

Увидев меня разбитым, ее доброе молодое сердце не выдержало. Она, не отрываясь от моих глаз, запустила руки в мои рыжие густые волосы и с неподдельной нежностью прильнула к моим губам. В мои уши пели ангелы свои песни, играя на скрипках и арфах.

Я чувствовал себя чем-то легким и воздушными, боялся, что упорхну далеко-далеко, и это никогда больше не повторится, отчего я слегка приобнял ее за локти.

Она была такая хрупкая и беззащитная в ту считанную секунду, я хотел бы обнять ее крепче, но тогда я бы точно сломал ее. Мы молча попрощались, без лишних жестов и слов. Я вновь смотрел ей в след, один, и слушал, как четкий ритм отбивают копыта коня моей дражайшей подруги.

Утром, когда я встал умываться, поставил на печь чайник, я заметил на подоконнике открытого окна (видимо ночью сквозняк постарался) обычную продолговатую алюминиевую кружку с небольшим, но пышным букетом полевых цветов. На них еще была роса, я снял одну каплю указательным пальцем и отправил в рот. Сладковатая и мягкая она унесла меня в воспоминания моего беззаботного детства.

Отец, вечно пахнущий грязью и ливнем, мать, пекущая хлеб, наклонившись над печью, вытирает лицо от муки, и та девчушка, в которую я был влюблен, в коротком платьице, с нелепыми рыжими косичками. Я любил брать с собой в корзину испеченные мамой плюшки с моло-

ком, старые интересные вырезки газет, кое-как склеенные вместе, и подолгу сидеть на берегу, глядя в манящий горизонт.

Домой возвращался через большое зеленое поле, жуя в зубах соломинку и представляя, что я какой-нибудь одинокий странствующий путник, а лошадь моя убежала, скинув с седла в испуге от грома и молнии. Вернусь к реальности.

Я все думал, откуда букет, но в голову ничего не приходило.

На этот раз встреча произошла довольно поздно вечером. Моя дражайшая подруга возвращалась с закупа зерна и сена у фермеров на дальнем холме и по пути заехала ко мне.

В платке, который она мне протянула, были завернуты неведомые мне ранее фрукты. Кожа у них была очень тонкая, покрывал которую пушок, такой же, как на теле младенца, а мякоть спелая волокнистая и очень сладкая. При укусе сок капал с ее подбородка, я осторожно краем платка коснулся застывшей на самом конце заостренного подбородка капли сочного сока.

Она остановила мою руку и какую-то секунду смотрела мне в глаза, будто проверяла меня на наличие очередных похабных мыслей, но кроме нежности, в которую спустя время она окунулась с головой, как в глубокое синее море, омывающее берега Италии, она так и не нашла.

Я думаю, она была рада этому. Каждая подушечка моего пальца, на которой блестел сок фрукта, была окутана мягкостью ее губ. Я несмело коснулся губами белого фигурного плеча, но был отвергнут.

Она резко отстранилась от меня, причем настолько, что между нами вновь разразилась пропасть. Она смотрела на меня так, будто я продаю пуговицы врассыпную.

Я лишь ответил тихое «прости». Жестами мягких рук плавными линиями она сказала, что приедет завтра, как только солнце уйдет за холмы. Открыв дверь, на секунду задержавшись, я решил, будто она все же останется, но она лишь спросила, понравились ли мне цветы, я улыбнулся, а на глаза налились слезы, мне никто не дарил цветов.

Многие мужчины сейчас бы фыркнули и назвали бы меня разными отвратными словами, но я могу объяснить. Разве в душе не поселяется спокойствие, когда вы идете по густо заросшему полю? Разве вы не плачете, когда читаете что-то прекрасное? Не трогают ли вас ваши неудачи или победы? Да и, в конце концов, разве не любите вы цветы? Неужели мои руки, потому что грубы, не имеют права держать эти милые божьи творения? Кто сказал, что наши мужские души не имеют слабостей?

Кто придумал разделять простые никому не принадлежащие вещи? Все это глупости.

Всю ночь я ковал для нее цветы, все те, названия каких я помнил еще с той книжки, хранящейся у деда в старом пыльном сундуке. Он занимался траволечением, но и цветы там тоже были. Дедушка сам рисовал картинки к описанию цветов и трав, и я попытался передать всю их красоту различными сплавами металлов.

Я хотел удивить ее. Я представлял ее счастливое лицо, как ее нежные пальцы касаются агрессивного металла, но она лишь грустно посмотрит на мои старания, и жесты ее будут говорить, о том, что цветы мои мертвее всего мертвого и даже не прикоснется к ним, лишь поцелует мои мозоли.

Впрочем, это было не так и важно. Важно то, что сейчас она совсем рядом, в одной комнате. Она, как и обещала, приехала, как только спрячется солнце.

Я растопил печь, поставил чайник, выложил румяную выпечку. Постелил до ее приезда новые простыни, на всякий случай, вдруг ей захочется остаться, а себе бросил старую шкуру медведя у печки. Не знаю, откуда она у моего деда, но он часто рассказывал, как ему пришлось однажды жить в лесу одному.

Моя подруга сразу же расположилась на этой шкуре с горячей чашкой ароматного чая. В кипятке я бросил ромашку, душицу, пару шишек, немного мяты и веточку лимонника. На улице показались явные признаки зимы, периодически пролетал снежок, потому моя любви-

мая была одета в теплое шерстяное платье, камзол едва ли не на пару размеров больше ее самой, тяжелые сапоги и платок.

Поставив на печь ее тяжелые сапоги, я задержал на ней взгляд, она будто переживала какие-то внутренние перемены. Она сидела, вглядываясь в потрескивающие дрова, грела худощавые босые ноги, и иногда вздыхала, перебирая длинными тонкими пальцами по чашке.

Я сел позади нее, она навалилась на меня, положив голову мне на плечо. Я не знал, о чем она думала, но надеялся, что, как и я, она чувствовала уют и обволакивающее тепло внутри.

Я представлял, как в возможном будущем я буду уходить на работу, приходиться весь грязный и пахнущий ливнем, а дома меня будет ждать она, наклонившаяся достать булочки, вытирающая подолом муку с раскрасневшегося лица. По дому будет бегать, вырезая из старых газет картинки, наш сын, и прижавшись к ее юбке, будет стоять наша дочь.

В порыве нежности я провел рукой по ее щеке, она поцеловала мою ладонь. Я вновь коснулся губами ее плеча, и в этот раз получил взаимное объятие. Наши губы сливались в постоянных поцелуях, а минуту погодя и наши тела приобрели общий темп.

Мои рыжие кудри затерялись в ее прямых длинных волосах цвета смолы, ее пышная грудь утонула в моих ладонях, ее бедра полностью слились с моими.

Я еще долго смотрел, как вздымается ее грудь, как слегка раздуваются ее милые узкие ноздри при выдохе, она сладко спала, а в мою голову ударила безумная идея. Вот он выход!

Я вылеплю из гипса ее, самую красивую, настоящую, мою! Незамедлительно замесив гипс, я принялся на память лепить ее прекрасные черты. Налитая грудь с вздымающимися сосками, осиная тонкая талия, плавно переходящая в бедра, накрытые легкой струящейся тканью.

Невероятно хрупкие и нежные руки, плечи и шелковая шея. Слегка растрепанные волосы, выразительные глаза, пухлые губы, вкус которых я до сих пор ощущал на своих губах. Все это и была она.

Я невольно замечтался и вспомнил нашу первую прогулку к побережью, как она, чтобы согреться кружилась на одних носочках, на кончиках пальцев, как свободны и легки были ее движения, как ее руки и ноги двигались в такт точь в точь, будто заговоренные.

Казалось, в этот вечер я полюбил ее безумной безграничной любовью, с которой смогу проститься лишь тогда, когда прощусь с собственной жизнью.

Я открыл глаза от того, что стало зябко. Я был один в комнате, печь погасла, а я, кажется, уснул за работой, впервые за долгое время я спал так крепко, что даже не слышал, как она уходила.

Подняв чугунную голову, я кое-как вновь затопил печь, на улице до сих пор было темно. Как это возможно? По старым часам на булочной я сверил время, оказывается, я проспал целые сутки! Не удивительно, что она уже ушла.

Выпив кофе из турки, я довершил штрихи скульптуры, и теперь она стояла посреди комнаты почти как настоящая.

В дверь постучали, не успев я сообразить, как в мою лачугу зашел мой Спаситель и его верный пес, Кулак, я его так прозвал за огромные кулаки, казалось, у него даже вместо подбородка был кулак.

Он поздоровался со мной, весьма хмурое было его настроение, пока не обратил он внимание на скульптуру моей зазнобы. Тут же настроение его переменялось, он стал прыгать вокруг моей возлюбленной, чей гипс теперь мне захотелось накинуть, укрыть, запрятать далеко от чужих глаз.

Хвалить меня стал за проделанную работу, говорит, что завтра за скульптурой приедет еще пяток таких псов и перевезут в покои Спасителя мою драгоценную. Я не смог это так оставить и начал пререкаться с ним, мол, эта работа и вовсе не ваша и не за какие деньги скульптура эта не поедет к нему, не пережил бы я позора хуже, чем вождение богатых обезьян на любимую мной женщину. Да только совсем это не помогло.

Сказал мой Спаситель последнее слово, или эта скульптура окажется в его покоях завтра же, или мой прах будет красоваться на том месте. Я упал к нему в ноги и просил дать мне еще один день, чтобы создать ему не менее красивую, но и это не помогло. Никакая другая теперь не нужна была ему дива, только моя, беззащитная и белоснежная.

Тогда я встал на ноги, подобрал с пола остатки своего достоинства, и послал их в дальние дали за холма, да чтоб не возвращались. Только вышли они за дверь, как ноги мои подкосились, и рухнул я на шкуру медведя. Я прижался щекой к щетинистой шкуре и пытался вдохнуть еще возможно сохранившиеся запахи ее тела.

Я чувствовал приближение смерти, жалеть себя и плакать, не было времени, я решил разыскать любимую, чтобы уговорить сбежать, а если откажется, то хотя бы проститься. Коснуться ее последний раз.

Я тихо забрался в соседний двор, перепрыгнув через развалившийся забор, взял первого коня, что попался мне и так быстро, как позволяли мускулистые ноги коня рванул в те края, в которые часто вглядывался, провожая любимую.

Время все шло, и скоро уж близился рассвет, но ни домика на своем пути я не встретил, лишь заросшие, как ковром из травы и цветов покрытые луга, да бесконечные холмы. Пришлось возвращаться, видимо не выдастся мне шанса перед смертью насладиться любовью моей дражайшей подруги.

Я коснулся рукой своей груди и едва слышно шепнул: да храни тебя, господи, любовь моя! Буду рядом я, если на то будет воля божья.

Сжав руку в кулак, про себя добавил я, что пусть тело мое забирают и мучают как хотят, но души моей не получить им будет. Душа моя полностью отдана моей ненаглядной, пусть у нее и останется и после моей смерти.

Этот гипс умрет вместе со мной. Кувалдой нанес я гипсовой любимой пару ударов, отчего от скульптуры осталось лишь очертание. Это будет выглядеть как самоубийство, потому что самоубийство это и есть. В чистом виде».

Завершив свое последнее письмо, скульптор взял в плетеной старой корзине, что стояла под скамьей во дворе, крепкую бечевку, предназначенную для укрепления деревянного забора, привязал ее к деревянной балке под потолком в лачуге, встал на табурет, осторожно закрепил петлю, надев ее на шею и замер.

Веревка слегка натянула кожу на шее скульптора, он, закрыв глаза, увидел, как истинная его жизнь пронеслась перед глазами. Казалось, он падал с табурета целую вечность, так долго тянулось время до кончины.

Перед глазами быстро проносились картинки. Вот он один у побережья, а на заднем фоне серая в яблоках лошадь пасется на лугу, вот один он бредит у булочной с утра пораньше, а вот и ночь в лачуге, где сам он долго грел босые ноги, вглядываясь в потрескивающие дрова, пил душистый чай. Виной всему был постоянный кофе и сон 2 часа в сутки.

Разум скульптора сыграл с ним злую шутку. Скульптор так хотел выполнить заказ и получить вознаграждение, что совершенно перестал отличать реальность от выдуманного.

Если бы не была скульптура сломана, если бы скульптор не был так влюблен и одурманен, если бы вел он иной образ жизни, если бы не пошел он по пути своего отца и деда, может быть, судьбу можно было поменять.

Но, благодаря сложившимся «если бы», мы все оказались там, где и должны были быть: я пишу это, вы читаете, а скульптор медленно падает с табурета, шею его сжимает бечевка.

Скульптор, осознав, что последние месяцы, благодаря которым хотелось жить, были лишь иллюзией, что любовь к несуществующей женщине до сих пор жива в нем, не задумываясь, роняет последнюю слезу, даже не пытаясь хвататься за последние секунды жизни, позволяет веревке навсегда затянуться на его шее.

Семья Брутс

Глава 1.: Привет

Все семьи между собой похожи. Семья Брутс не исключение. Вряд ли хоть один человек признается себе в том, что он похож на одного из персонажей, но будьте уверены – в каждом из нас есть часть этой семьи.

Я перенесу вас туда, где имеет место быть волшебство. С кем-то чудеса происходят, а кому-то просто не дано их увидеть. Такое место существует. В большом мире. В маленьком городе. Может даже под лестницей у вашего дома. Существует. Такое чудо случилось и с героями этого рассказа.

Представьте себе аккуратный и совершенно не туристический город. В нем живут люди разных слоев общества. Бедные и богатые. Маленькие узкие улочки, ровно подстриженные газоны, яркие крыши домов. На каждом углу урны, в которых высажен многолетний цветок.

А вот и первое чудо – маленькая симметричная бабочка, кажется, сама радуга приложила усилия для ее рождения.

Неуверенно и осторожно бабочка порхает вдоль одной из узких улиц, постоянно подгоняемая порывами ветра она устало усаживается на один из многолетников. Все цветы, которые она уже успела увидеть за свою короткую жизнь, казались ей самыми сочными и невообразимо красивыми, но именно этот цветок завораживал бархатистым насыщенно черным.

Бабочка перебирала мохнатыми лапками по одному из шелковых лепестков, будто размышляя, куда ей двигаться дальше. Слева, позади и даже чуть впереди пахло безмятежностью, но вот справа запах был особый. Если бы такое было возможным, то ее крылья обязательно бы покрылись мурашками. Вопреки этому она все же свернула.

Бабочка двигалась настороженно. Пролетев вдоль вымощенной изумрудным кирпичом дорожки, она села на ярко желтый почтовый ящик.

Потом переместилась на камень, раскаленный на солнце. Пройдя 1,5 см по рыхлой земле, прячась от прямых горячих лучей меж густой травы. Со всей силы, что была в ее миниатюрном тельце, она взмахнула крыльями, быстро-быстро ретируясь в воздухе. Ее целью стало как можно ближе подобраться к источнику запаха.

Большой кирпичный дом не располагал дружелюбием, но с каждым взмахом крыльев бабочка будто становилась смелее.

Красный кирпич с течением времени превратился в бордовый, а некогда лимонные ступени и перила облупились и выцвели. Из трубы валил пепельный дым. Благо он находился далеко от прекрасной бабочки. Брезгливо перебирая лапками по сколам перил, она проверила, не открыта ли фигурная массивная входная дверь. Без вариантов. Выход оставался лишь один. Надеяться на то, что одно из многочисленных панорамных окон будет приоткрыто.

А вот и еще одно чудо. Ближайшее окошко и правда оказалось приоткрытым ровно настолько, чтобы бабочка свободно могла залететь внутрь. Она села на расположенный совсем близко поломанный кирпич, высматривая, нет ли опасности. Все по-прежнему тихо. Слегка оттолкнувшись от кирпича, она сделала свой последний рывок.

Почему последний спросите вы? Потому что у маленького Стэнли были на нее другие планы. Быстрым движением он впечатал радужную бабочку в белоснежный подоконник.

На том месте, где еще секунду назад была бабочка, теперь рисовалось маслянисто – кремовое пятно. Одно из ее крыльев было измято и похоже на гармошку, а второе Стэнли выдернет из безжизненного тела и обязательно положит в свою коробку из под жвачки под кроватью. Пополнит коллекцию.

Стэнли всего 7 лет, но по его коллекции можно предположить, что ее собирали задолго до его рождения. В нее входили жженые муравьи, головы раздавленных мух, полосатые тельца пчел, крылья различных бабочек, несколько десятков целиком засушенных жуков, кроличья лапка, кожа лягушки и много других частей мелких существ, которые по незнанию, а иногда и собственной глупости могли пробегать рядом с домом семьи Брутс.

Стэнли деловито потер потные толстые руки, осмотрелся, не видел ли кто его проказы, а затем вприпрыжку направился за дом. При каждом прыжке его тело вздрагивало так, будто у него и вовсе не было костей. К половине пройденного пути Жирный Стэнли устал и запыхался.

Потребовалось немало времени, чтобы восстановить дыхание. Он уже и забыл, зачем шел во двор, находившийся с другой стороны дома. Подойдя к идеальному лиловому забору, он попытался оторвать кусок деревяшки, но она не поддавалась.

Потеряв к ней весь интерес, Стэнли с рвением принялся за растущие вокруг цветы и кустарники. Подобрал палку и размахивая ей в разные стороны, он представлял будто он рыцарь собственного королевства, а бедные тонкие стебли и листья – это жуткие монстры.

Каждое резкое движение палки в руке Стэнли освобождало зеленых обитателей от листков, лепестков, а потом и вовсе сломленные и побежденные они опускали пушистые головы, будто признавали собственную вину.

Он бы продолжил свою карательную операцию, если бы не звук из глубины двора. Стэнли мгновенно вспомнил, зачем ему так срочно было необходимо его посетить. Бросив палку, он мгновенно очутился посреди просторного двора.

Старые качели лениво скрипели под натиском ветра. Цветы здесь вели спокойную размеренную жизнь, а все потому, что сад этот развела Патрисия, кухарка и горничная Брутсов.

Стэнли знал, что если старушка Патрисия увидит его здесь, то снова прогонит, а потому ему лучше быть осторожным. Прищурился глазами, он проверил под кустом азалии. Пусто.

Качели все еще раскачивались. За ними ничего. За кустами, плотно прилегающими к фасаду дома, тоже. Деревянный столик и скамья посреди сада были прибежищем муравьев, Стэнли вынул из рядом стоящего ведра черенок лопаты, конец которой был в засохшей земле, и медленно, но верно принялся освобождать стол от надоевших насекомых. Снова этот звук.

Мальчик бросил черенок, захватив из того же ведра маленькую острую ложку для разрыхления земли, и двинулся вперед, к источнику звука. Под огромной яблоней наискось приютилась чудом не развалившаяся будка. Ребенок живо залез внутрь. Пустая. Сквозь щели в будке он оглядел оставшуюся часть сада. Никакого движения не видно.

Обреченно вздохнув, Стэнли обвел взглядом все внутренности будки. Полуразвалившиеся доски, острые гвозди, на которых колыхался клочок шерсти, съеденный местами старый матрац. Играть здесь было не с кем.

Кряхтя, он выволок себя из будки и прямо перед собой услышал тот самый звук, за которым подался сюда.

«Ррр-ррр», – старый щетинистый пес застал его врасплох. Собака уперлась мускулистыми лапами в землю, подняла верхнюю челюсть в оскале, глаза ее метали молнии. «А вот и ты, Чубакка, я как раз тебя искал. Опять ты, скотина, прячешься». В глазах собаки показался едва заметный страх.

Стэнли достал из кармана петарды, перемотанные ниткой, и расплылся в улыбке. Пес прижал уши, и ринулся убежать, но не успел. Никогда не успевал. В нос собаке пришелся первый удар садовой лопаткой.

Перепуганная скулившая собака пыталась найти укрытие как можно скорее, но таких мест здесь нет, она знала. Второй удар пришелся по облезлой горбатой спине пса. Она втянула голову и поджала хвост с такой силой, будто хотела стать меньше. Настолько меньше, чтобы он не смог ее увидеть.

«Если бы ты вела себя покорно, то все было бы гораздо быстрее, чертова ты псина», – он говорил это без ненависти в голосе. Подобное для них обоих привычное дело.

Толстяк сжал хвост собаки и принялся наматывать свободный конец нити. Достал из кармана потрепанный коробок спичек, чиркнул черной головкой и зажег подряд расположенные петарды.

Отпустив собаку, он отошел на приличное расстояние и со стороны довольно улыбался, картина доставляла ему удовольствие. Собака обернулась и испытала облегчение. Значит, на сегодня ее мучения закончились.

Сорвавшись с места, она мигом пересекла двор и ринулась куда глаза глядят. Мальчик засунул в рот большой палец левой руки, сгрызая край ногтя, в ожидании свершения задуманного. Грязь с ногтя разлилась земляным вкусом на языке. Щелчки и вой собаки послышались у главного входа.

«Да!» – про себя огласил Стэнли и довольный собой вразвалочку направился домой. Вернувшись к месту, где трепетало на ветру мертвое тельце бабочки, он увидел, что машина отца на месте, а значит, он вернулся, наконец, с охоты.

У самой двери крыльцо было смазано чем-то ярко красным. «Тупая псина. Каждый раз сюда приходит. Опять Патрисия будет орать. Ну что за бестолочь!».

С небольшим усилием он открыл входную дверь и зашел внутрь. В коридоре и зале была тишина. Слышно было лишь тиканье массивных часов у камина в столовой и легкий стук ножа по деревянной доске на кухне. Патрисия готовит ужин.

Комнаты на первом этаже дома располагались так, что из коридора было возможным увидеть каждого, кто находился в одной из них. Справа под лестницей был туалет. Куда в первую очередь и направился Стэнли.

Помочившись, мальчик размотал полрулона бумаги и кинул в унитаз. Просто посмотреть, как быстро растворится. Дети любят экспериментировать.

Стэнли заметил движение на кухне через цветочный витраж кухонной двери и постучал. Ему никто не ответил. Тогда мальчик смелым движением вперед ворвался на территорию Патрисии. Она копошилась у стола, резала зелень и чеснок. На плите приятно побулькивал суп. Пахло ошеломительно и очень хотелось есть.

– Ты что, не слышишь, как я стучу, старуха?

– Не видишь, я занята. Мистер Харрис сегодня не в духе, так что прекращай эти свои шалости.

– Гмбр. А где Папа сейчас?

– Где, где. Как всегда. В чучельнике своем. Притащил дюжину белок и оленину, а мне опять ее разделывать. Колени, между прочим, у меня болят, но кому до этого есть дело. Если что, то твоя мать опять заперлась в спальне, а твоя сестра Рейчел... а вот где она я не имею понятия.

– Ага. Эй, жирный мешок с объедками, пошел вон отсюда! – замахал руками Стэнли перед полосатым котом у плиты, но кот только шипел и не сдвинулся с места.

– Чего ты к нему привязался, несносный мальчишка. Всю скотину уже распугал, иди, займись чем-нибудь, а кота оставь в покое! – с этими словами Патрисия повернулась к мешку с картофелем и принялась за чистку.

Вот еще, подумал мальчик и спустил хвост кота в кипящий бульон. Кот заорал и прыгнул на спину кухарке. Что было дальше, проказник не знал, к тому времени он уже вышел с кухни, закрыв за собой дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.